

ХОДОРКОВСКАЯ Б. Б.

К ПРОБЛЕМЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО СИГМАТИЧЕСКОГО АОРИСТА

(Вопросы семантики)

За последние два десятилетия в лингвистике появился ряд работ, в которых были пересмотрены многие основные положения индоевропеистики о морфологическом статусе и семантике сигматического аориста (далее — сигм. аорист). К. Уоткинсу [1] принадлежит заслуга первому показать, что сигм. аорист связан по происхождению с медиальным залогом и на древнейшей ступени развития характеризовался полной ступенью корневого вокализма. Ф. Бадер [2] в работе, посвященной флексии сигм. аориста, доказывает, что в сигм. аористе обнаруживаются следы смены флексии от наиболее древней медиальной (3-е л. ед. ч. *-e, 3-е л. мн. ч. *-g...) к полуактивной (3-е л. ед. ч. *-e, 3-е л. мн. ч. *-nt) и, наконец, к полностью активной.

Параллельно с изучением формальной структуры исследовалась также семантика сигм. аориста. К. Уоткинс, опираясь на формальную характеристику, считал, что значение сигм. аориста было медиопассивным или интранзитивным в противоположность несигматическому аористу, имеющему транзитивное значение [1, с. 62—71]. Но Г. Кёлльн [3] на материале древнегреческого и балто-славянских языков показал, что именно корневой аорист обнаруживает семантическую близость с медиум, сигматический же аорист в оппозиции к корневому аористу имеет транзитивное или, точнее, эффе́ктивное значение. Ф. Адрадос [4, с. 103] тоже утверждает, что -s- в индоевропейском не служит маркером интранзитивности; с этим положением соглашается и Ф. Бадер, отмечая, что древнейшей медиальной флексии сигм. аориста не было свойственно медиальное значение [2, с. 34].

Сигм. аорист, подобно другим морфологическим типам аориста, традиционно считается членом системы «презенс : аорист», которая представляет собой морфологически первичную систему видов, выражаемых основами презенса и аориста. Но Е. Курилович [5, с. 53—57, 75—80] в своей последней книге дал новую модель иерархии основных категорий глагола: 1) категория предшествования, 2) категория времени, 3) категория вида, которая подчинена обоим другим категориям. Древнейшим морфологическим средством выражения категории предшествования он считает и.-е. аорист. Формальным экспонентом и.-е. аориста Е. Курилович признает суффикс -s- в сочетании с определенным вокализмом. Он отделяет, таким образом, сигм. аорист от других морфологических типов аориста, которые, по его убеждению, лишь по функции являются аористом, но генетически представляют собой имперфект. Курилович принимает тезис о генетической связи сигм. аориста с медиум, указывая, что относительная хронология (сигм. аорист медиопассива, затем активного залога) подтверждается апофонией, т. е. соотношением, характерное для сигм. аориста — в активе ступень врddхи, в медиопассиве нулевая ступень вокализма — является нарушением обычной для презенса оппозиции. Это доказывает вторичность парадигмы сигм. аориста в активе и тем самым противоречит традиционной теории, которая считает сигм. аорист претеритом сигм. презенса.

Таким образом, в современной лингвистике имеются весьма различные теории происхождения и древнейшей семантики и.-е. сигм. аори-

ста. Думается, что при исследовании сигм. аориста следует обращаться не только к тем языкам, где имеется категория аориста, включающая и сигм. аорист, но также к тем, где объединения разных морфологических образований в одну категорию «аорист» не произошло, но следы сигм. аориста сохранились. К числу таких языков относится латинский.

Традиционно считается, что в латинском языке сигм. аорист после слияния с перфектом, имевшего место в доистории латинского языка, представлен лишь основами (перфект на *-s-*), флексия же взята от перфекта. Особенность перфекта на *-s-* состоит в том, что он в отличие от сигм. аориста в других и.-е. языках образуется только от первичных глаголов с консонантным в исходе корнем [6, с. 591]. Иное решение предлагает Ф. Бадер [2, с. 36], считая, что по отношению к латинскому языку можно говорить только о слиянии значений сигм. аориста и перфекта. Что же касается флексии, то в латинском перфекте объединены две парадигмы — перфекта и сигм. аориста, имевших генетически одни и те же медиальные окончания: в 3-м л. ед. ч. **-e* и в 3-м л. мн. ч. **-r...*

Помимо перфекта на *-s-*, многие лингвисты связывают с и.-е. сигм. аористом латинские архаические формы типа *faxō, faxim*, видя в них по происхождению конъюнктив и оптатив сигм. аориста. Соответственно в употреблении этих форм выделяют две зоны: 1) употребление при выражении условия (формы на *-sō, -sis*, восходящие к конъюнктиву сигм. аориста); 2) употребление при выражении запрещения типа *nē dixī* и пожелания, где функционируют формы на *-sim, -sīs*, генетически являющиеся оптативом сигм. аориста [6, с. 621]. Известно и другое объяснение морфологического типа *faxō, carpsō*, принадлежащее французской лингвистической школе, согласно которому он восходит к и.-е. деизидеративу, морфологически характеризующемуся суффиксом **-sē/o-*. Поскольку в латыни эти формы функционировали в значении будущего времени, то на их основе возникли вторичные образования — конъюнктив типа *faxim, ausim* [7, 9, с. 296]. Таким образом, и эта теория предполагает две парадигмы латинских сигматических форм: на *-sō, -sis* и на *-sim, -sīs*. При всем различии этих теорий у них есть одно общее слабое место, так как ни той, ни другой теорией не был дан удовлетворительный ответ на вопрос, поставленный К. Бругманном [8, с. 529]: почему в обеих парадигмах в 3-м л. мн. ч. так рано утвердилось окончание оптатива *-int*, например, *faxint, amassint*, но не было **faxunt, *amassunt*. Бругманн подчеркивает, что при объяснении нельзя исходить из сокращения *i* в конечном слог (*-it > -it*), что могло бы повлечь за собой утрату различия и в 3-м л. мн. ч., т. к. у Плавта в 3-м л. ед. ч. еще сохранялось *-it*.

Помимо перечисленных типов сигматических образований, в раннелатинских текстах встречаются отдельные сигматические формы глагола, которые могут рассматриваться как следы того состояния языка, когда сигм. аорист еще был самостоятельной категорией. Таковыми можно считать некоторые формы перфекта на *-s-*, употреблявшиеся в ранних текстах параллельно с формами корневого перфекта. Вот список этих форм: *perperci* и *parsī* (*parcere* «щадить») у Плавта; *momordi* и *praemorsisset* (*mordere* «кусать») у Плавта; *clēpit* (Пакувий) и *clepsī* (*clepere* «красть»); *surrēgit* и *surrēxit* (*surgere* «поднимать») у Ливия Андроника; *pepigī* и *pānxit* (Эний) (*pangere* «укреплять»). Что некоторые из этих сигматических форм могли восходить к и.-е. сигм. аористу, предполагал Ф. Зоммер [9, с. 569]. Иначе оценивает эти факты М. Лойманн, видя в сигматическом перфекте новообразование, возникшее уже на ранней ступени развития латинского языка [6, с. 605]. Против этого утверждения говорит, однако, тот факт, что у некоторых глаголов в ранней латыни сохраняется функциональное различие между сигматическим и корневым перфектом. Как показал А. Магариньос [10], различие между корневым перфектом *perperci* и сигматическим *parsī* обнаруживается в текстах Плавта в том, что в конструкции с отрицательной частицей *nē* при выражении запрещения использовались глагольные формы только от сигматической основы (*nē parsis, nē parseris*) согласно общей тенденции к устранению корневого перфекта из этой конструкции в доклассической латыни. Если учесть, что в аналогичной про-

гибитивной конструкции с **mē* в ведийском и древнегреческом функционировали формы от основы аориста и особенно часто сигм. аориста, то есть основание видеть в лат. *parsis* также форму сигм. аориста. Различие между корневым перфектом *reperci* и сигматическим *parsi* обнаруживается также в том, что последний характеризуется транзитивностью [например, у Плавта в комедии «Куркулион» (381): *nisi eam (pecuniam) mature parsit* «если вовремя денег не экономил»], тогда как *reperci* имеет в ранней латыни интранзитивное значение, обозначая состояние субъекта [например, у Теренция в комедии «Адельфы» (561): *venit post insanies, nil repercit* «потом он вернулся бешеный, беспощадный»]. Различие в значениях форм *parsi* и *reperci* отмечали римские грамматики. Так, Диомед [11, т. I, с. 368] пишет: «Некоторые грамматики видят различие в том, что *parsi* обозначает происшедшее однажды (*semel*), а *reperci* и однажды и чаще (*et semel et saepius*)». Значение корневого перфекта описывается с помощью наречия *saepius* «чаще», т. е. указывается, что посредством перфекта выражается более постоянный признак субъекта в отличие от сигматического *parsi*, который служит для выражения одноразового действия. Есть также данные, позволяющие говорить о семантическом отличии редуцированного перфекта *repigi* от сигматического *panxit* глагола *rangere* «укреплять, вбивать, утверждать договором». По сообщениям римских грамматиков Харисия [11, т. I, с. 257], Диомеда [11, т. I, с. 358], Проба [11, т. IV, с. 38] *repigi* стоит в одном ряду с такими формами перфекто-презенса, как *odi* «ненавижу», *temini* «помню», *novi* «знаю». Сигматическая же форма *panxit*, известная лишь по одному тексту эпитафии Энния [*panxit maxima facta patrum* «утвердил (= воспел) великие деяния отцов»] обозначает завершенное действие в прошлом. Аналогичные формы сигм. аориста и перфекта от того же корня **rāg-* имеются в древнегреческом: ἔλθηα «укрепил, воткнул» и πέπηγε со значением достигнутого состояния «торчит» (Софокл, Аякс, 806). Сходство не только форм, но и характера семантической корреляции между корневым перфектом и сигматическим образованием в древнегреческом и латинском позволяет видеть в лат. *panxit* древний сигм. аорист, форма которого подверглась изменению под влиянием инфиксального презенса, ставшего центром глагольной системы.

Поскольку число сохранившихся ранних латинских текстов невелико, то в качестве другого источника архаических форм следует использовать латинские глоссы. Собрания глосс древних римских глоссографов не дошли до нас непосредственно, но вошли частично в глоссарий Феста и, как показал В. Линдсей [12, т. IV, с. 7], в отдельные более поздние глоссарии. Среди глосс встречаются сигматические глагольные формы, интерпретация которых дается не традиционно посредством будущего II, но посредством индикатива перфекта или греческого индикатива аориста:

astasent : *statuerunt* [22, с. 24]

devovesent : κατηράσαντο, ἐβλάστησαν [12, т. II, с. 17]

caesit : *cecidit* [12, т. III, с. 107]

delisit : *delivit*, *inquinavit*; *deliverit*, *inquinaverit* (codd. Paris. 11529, 11530) [12, т. IV, с. 60]

derupsit : *dispersit* [12, т. IV, с. 59]

contexit : *tetigit*, *contingit* [12, т. III, с. 112]

faxit : *fecit*, *faciat* [12, т. I, с. 237]

exempisit : *eripuit* [12, т. I, с. 219]

Следует обратить внимание, что некоторые сигматические словоформы имеют двойную интерпретацию — с помощью индикатива перфекта и будущего II или с помощью индикатива перфекта и презенса индикатива или конъюнктива. Линдсей [12], издавший латинские глоссарии, считал интерпретации сигматических форм посредством индикатива перфекта ошибочными и предлагал исправленное чтение, например: *caesit* : *cecid* <er> it. Но по отношению к глоссе *astasent* : *statuerunt* такая конъюнктура невозможна, и Линдсей помечает ее знаком вопроса. Целесообразно поэтому начать анализ с этой словоформы. На архаичность словоформы указывает написание с интервокальным -s-, не подвергшимся действию закона

ротацизма, что позволяет установить *terminus ante quem* — первая половина IV в. до н. э. Так как словоформа *astasent* интерпретируется посредством формы 3-го л. мн. ч. индикатива перфекта, то она может быть сегментирована на следующие морфемы: *a(d)-sta-s-ent*. Флексия *-s-ent* восходит к и.-е. **-s-nt* (или **-s-ent*) и представляет собой флексию сигм. аориста, точно соответствуя греч. $-\sigma\alpha\nu < *-s-nt$ (например, $\acute{\epsilon}\delta\epsilon\iota\lambda\alpha\nu$), др.-инд. $-\text{san}$ (например, $\acute{a}dhuksan$), ст.-сл. $-\text{se} < *-s-nt$ (например, $věse$), венет. $-\text{san} < *-s-nt$ (например, $donasan$). Не только окончание, но и структура корневой морфемы словоформы *astasent* ставит ее в ряд древнейших форм сигм. аориста от корня **st^hā-*: поскольку отсутствие редукции гласного *-a-* позволяет предположить его долготу, то по всем морфологическим признакам *astasent* (**ad-stā-s-nt*) соответствует авест. $\text{stā}\eta\text{hat}$ (**stā-s-nt*) и греч. $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\sigma\alpha\nu$ (**e-stā-s-nt*). Примечательно также указанное глоссографом значение словоформы *astasent* : *statuerunt* «поставили», при том что лат. *stāre* имеет значение «стоять». Но доказано, что презенс *stāre* в значении состояния «стоять» является итальянской инновацией [6, с. 532]. Поэтому возможно, что на более ранней ступени в значении «стою» в латинском функционировал перфект *stetī* аналогично греческому перфекту $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta-\kappa-\alpha$, мн. ч. $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha-\mu\epsilon\nu$ и др.-инд. ta-sthāu , мн. ч. ta-sthi-mā , которым соответствует лат. ste-tī , мн. ч. ste-tī-mus по своей морфологической структуре. В этом случае сигматическая словоформа *astasent* «поставили» находится в той же каузативной оппозиции к перфекту *stetī* «*стою», как греч. $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\sigma\alpha$ «поставил»: $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\alpha$ «стою». Следует обратить внимание еще на одну деталь: по сравнению с греч. $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\sigma\alpha$ лат. *astasent* характеризуется наличием префикса *a(d)-*, который, однако, не придает словоформе дополнительного лексического значения, как это имеется у глагола *adstāre* «стоять рядом, присутствовать» в ранней и классической латыни, но имеет, очевидно, синсемантическую функцию, указывая направленность действия на объект и усиливая тем каузативное значение сигматической формы, что следует рассматривать как архаизм. В древнегреческом языке в такой же каузативной оппозиции, как $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\sigma\alpha$ «поставил»: $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\alpha$ «стою», находится сигм. аорист и перфект еще ряда глаголов; вот несколько примеров из языка Гомера: $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\alpha$ «убил»: $\acute{\delta}\lambda\omega\lambda\alpha$ «я погиб», $\kappa\epsilon\iota\sigma\epsilon$ «убедил»: $\kappa\epsilon\pi\omicron\iota\delta\alpha$ «доверяю», $\acute{\epsilon}\phi\upsilon\tau\epsilon$ «вырастил»: $\kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\alpha\iota$ «являются по природе». О том, что каузативное значение и более общее транзитивное значение могло быть древнейшим значением сигм. аориста, по которому он был противопоставлен интранзитивному перфекту состояния, позволяет думать также отмеченный И. Шмидтом [13, с. 323] факт исчезновения у некоторых гомеровских сигм. аористов более древнего каузативного значения, которое под влиянием однокорневого асимматического аориста заменялось чисто претеритальным значением, например, в «Илиаде» XI, 756 находим: $\beta\eta\sigma\alpha\mu\epsilon\nu$ $\acute{\epsilon}\pi\lambda\omicron\upsilon\sigma$ «пустили (= заставили идти) лошадей»; XVI, 810 $\phi\acute{\omega}\tau\alpha\varsigma\ldots \beta\eta\sigma\epsilon\nu$ $\acute{\alpha}\phi'$ $\acute{\epsilon}\pi\tau\omega\nu$ «заставил мужей сойти с колесницы», но в дальнейшем $\acute{\epsilon}\beta\eta\sigma\alpha\nu$ «они шли» «как $\acute{\epsilon}\beta\alpha\nu$. О том, что каузативное значение было свойственно сигм. аористу, свидетельствует также тохарский язык, где претерит с суффиксом *-s-* (3-й класс претерита) и с суффиксом *-ss-* (4-й класс) образовывался главным образом от каузативов.

Возвращаясь к глоссе *astasent* : *statuerunt*, можно сказать, что по своей морфологической структуре и по значению словоформа *astasent* представляет собой архаичную форму сигм. аориста от и.-е. корня **st^hā-*. Она свидетельствует, что на более древнем этапе истории в латинском языке сигм. аорист был самостоятельной морфологической категорией с особой флексией в 3-м л. мн. ч. *-s-ent*, отличной от флексии перфекта *-ēre*. Очевидно также, что ограничения в образовании сигматических основ консонантными корнями, которое известно в классической латыни, на этом этапе не было.

Помимо глоссы *astasent*, известна еще одна сигматическая форма глагола с тем же окончанием 3-го л. мн. ч. *-ent*. Это форма *ambissent*, стоящая в тексте рядом с формой 3-го л. ед. ч. *ambisset* в прологе комедии Плавта «Амфитрион» (стихи 69 и 71). Обе формы употреблены в тексте «закона Юпитера», построенного по образцу древнеримских законов: в нескольких

следующих одно за другим условных предложениях сказуемые выражены сначала формой будущего II (*siquoi... uiderint* «если увидят»), затем сигматическими формами (*siue qui ambissent palmam historionibus... seu qui ipse ambisset*) «если кто станет добиваться награды актерам... сам ли станет добиваться». Ср. построение текста закона 287 г. до н. э. *lex Aquelia de damno*. Так как у Плавта в условных предложениях широко используются формы на -*sō*, -*sis*... (например, Плавт, «Пуниец» 27: *si... curassint*), то обе словоформы относятся в исторических грамматиках к их числу [6, с. 624; 9, с. 585] и исправляют на *ambissint*, -*it*. Но поскольку все плавтовские рукописи дают здесь единственное чтение *ambissent*, *ambisset*, то в издании Плавта Линдсеем сохранено это написание. Однако ни при одном принятом этимологическом истолковании форм на -*sō*, -*sim* окончание 3-го л. мн. ч. -*s-ent* невозможно. Сравнение со словоформой *astasent* позволяет думать, что *ambissent*, *ambisset* представляют собой архаичные формы сигм. аориста. Словоформу *ambissent* можно расчленить на следующие морфемы: префикс *amb-* (и.-е. **ambhi-* «с обеих сторон»), корневая морфема -*i-* (и.-е. **ei-/i-* «идти») и флексия сигм. аориста -*ss-ent*, где двойное -*ss-* в эпоху Плавта могло быть графическим знаком интервокального глухого -*s-* [6, с. 624; 7, с. 53]. Таким образом, по морфологической структуре словоформа *ambissent* сходна с *astasent*. Но сходство их более глубокое и касается не только формальной структуры, но и характера семантической корреляции сигматической формы и перфекта. Как отметил Ф. Зоммер [14, с. 68], перфект глагола «идти» *ī* в доклассической латыни функционировал еще в значении перфекта-презенса, а не исторического перфекта (ср. Плавт, Вакхиды 346: *ubi nunc est ergo meu' Mnesilochus filius? — deos atque amicos iit salutatum ad forum*. «Где сейчас мой сын Мнесилох?» — «Он ушел на форум приветствовать богов и друзей», где перфект *iit* обозначает достигнутое состояние «ушел = его нет»). В парадигматической оппозиции к этому перфекту состояния *ī* находится сигматическое образование с транзитивным значением *ambissent palmam* «обhajивать кого-то, vyhаживать награду».

Следует отметить, что не только латинский перфект *ī* (**iī-ai*) имеет соответствие в др.-инд. перфекте *iṃāya*, но и словоформа *ambissent* не представляет собой единичного сигматического образования от и.-е. корня **ei-* «идти», поскольку от расширенного варианта того же корня **iā-* в ведийском известен архаичный сигм. аорист *ayāsam*, *ayāsur*. Учитывая доказательства Вяч. Вс. Иванова [15, с. 99—100] о большей архаичности глагольных форм второй серии, образованных от корня **ei-*, к которым относится лат. перфект *ī*, др.-инд. *iṃāya* и т. д., по сравнению с презенсом др.-инд. *ēmi* и соответствующими формами презенса в других и.-е. языках, можно предполагать, что сохранившаяся в ранней латыни оппозиция перфекта состояния *ī* и сигматического образования *ambissent* с транзитивным значением, как и перфекта состояния *steti* и сигм. аориста *astasent* с каузативным значением, отражает очень древнюю семантическую корреляцию членов архаичной системы «перфект: сигм. аорист».

Есть еще одна сигматическая форма 3-го л. мн. ч. с флексией -*ent*. В ранней латыни широко использовалась формула благословения *di monerint meliora atque amentiam averruncassint tuam* «да укажут боги лучшее и отвратят твоё безумие». Такой текст приводит Варрон («Лат. яз.» 7, 102), ссылаясь на Пакувия, и Ноний, ссылаясь на Луцилия. Обе глагольные формы служат выражению пожелания добра в будущем и традиционно объясняются как сигматические образования с флексией оптатива -*int*, ср. также глоссу Плацида [12, т. IV, с. 13] *averruncassint : avellerint vel averterint*.

Однако у Феста [22, с. 520] в этой же формуле, которая тоже дается как цитата из Пакувия (*di monerint meliora atque amentiam averruncassent tuam*), глагол имеет форму *averruncassent* и объясняется глоссографом: *id est avertissent*, т. е. посредством плюсквамперфекта конъюнктива. Но при выражении благословения плюсквамперфект конъюнктива невозможен ни в классической, ни в доклассической латыни; с другой стороны, значение союза *atque* «и к тому же, и также» [16, т. I, с. 76] не допускает

толкования текста таким образом, что один глагол *monerint* обозначает желательное действие в будущем, а другой *averruncassent* относит действие в прошлое. В связи с этим возникает предположение, что в том варианте текста, который дается у Феста, сохранилась более древняя сигматическая форма *averruncassent*, содержащая ту же флексию *-ss-ent*, что и *ambissent*. Известно, что глагол *averruncō* относился к архаичной жреческой лексике [16, т. I, с. 82]. Пакувий же охотно использовал старинные обороты и формы. Спустя еще полтора века эта форма стала интерпретироваться глоссографами посредством плюсквамперфекта конъюнктива по аналогии с «краткими» формами на *-assent*.

Но если словоформы *ambissent* и *averruncassent* имеют одну и ту же флексию *-ss-ent*, хотя по типу употребления — первая встречается в условном предложении, вторая в формуле пожелания — соответственно должны бы принадлежать к разным парадигмам, то это дает основание для гипотезы, что обе парадигмы сигматических форм на *-sō*, *-sis* и на *-sim*, *-sīs* восходят к одной парадигме, где 3-е л. мн. ч. имело флексию *-s-ent*. Следует сказать, что совпадение флексии наблюдается в отдельных случаях и в формах ед. числа. Когда в условном предложении встречаются формы типа *ambisset*, то флексию *-ss-et* объясняют как более раннюю форму конъюнктива сигм. аориста, где гласный еще не подвергся редукции (*-set > -sit*). Но когда формы с флексией *-ses*, *-set* встречаются во второй зоне употребления, где на основе принятой теории происхождения сигматических форм должны бы быть формы опатива на *-sis*, *-sit*, то в рамках этой теории они не объяснимы. Вот эти формы: Плавт, «Клад» 608 *caue... indicasses* «остерегись показать», где *indicasses* — форма Амброзианского палимпсеста III—IV вв., более же поздний Ватиканский кодекс содержит форму *indicassis*; Цецилий 139 *ne... limasses* «не целуйся»; Турпилий 112 *ne... limasset*. Конечно, формы на *-ses*, *-set* в конструкции с *nē* единичны, преобладают формы на *-sis*, *-sit*, но и среди них нет единообразия, т. к. встречаются формы с долгим *-ī-* и, вопреки правилу, с кратким *-i-*. Это смешение разных флексий можно интерпретировать таким образом, что в основе двух парадигм сигматических форм лежала одна парадигма, в которой формы 2-го и 3-го лица ед. ч. имели флексию *-s-es*, *-s-et* и 3-го л. мн. ч. *-s-ent*. Но это — парадигма и.-е. сигм. аориста с полуактивной флексией [2], где окончания 2-го и 3-го лица ед. ч. восходят к общему медиальному окончанию **-e*, а 3-е л. мн. ч. имеет активное окончание **-nt*.

Итак, с одной стороны, глоссы, где сигматические формы типа *astasent*, *caesit* интерпретируются посредством индикатива перфекта, с другой стороны, отдельные сигматические словоформы в литературных текстах доклассического периода, принадлежащие по типу функционирования к парадигмам на *-sō*, *-sis* или на *-sim*, *-sīs*, но имеющие флексию сигм. аориста *-ses*, *-set*, заставляют заново поставить вопрос о происхождении этих форм — не восходили ли они генетически к и.-е. сигм. аористу. Решение этого вопроса целесообразно начать с исследования сигматических форм в плане содержания, т. к. первое, что по всей видимости противоречит гипотезе происхождения их из сигм. аориста, это — неаористическое их значение (если понимать аорист как претерит), поскольку в языке Плавта, где сигматические формы особенно широко представлены, они функционируют преимущественно в значении будущего II.

Исследованию функций латинских форм типа *faxō*, *-im*, *amassō*, *-im* посвящены работы двух французских ученых Э. Бенвениста [7] и Ф. Тома [17]. В основе этих работ, отличающихся различными теоретическими установками их авторов, лежит анализ функционирования сигматических форм главным образом в текстах Плавта. Э. Бенвенист отмечает как особенность этих форм то, что они не имеют истории, поскольку засвидетельствованы почти только у одного Плавта. Более ранние латинские тексты редки и фрагментарны, а в более поздних текстах их уже нет [7, с. 38]. Действительно, тексты архаического, доплавтовского периода невелики по объему и разрозненны, это — несколько коротких надписей, фрагменты сакральных текстов и древнейших римских законов: законов XII таблиц, кодификация которых относится к середине V в. до н. э., и царских зако-

нов. Тексты эти дошли до нас в виде цитат у античных авторов и грамматиков. Поскольку в текстах законов встречаются сигматические глагольные формы, то исследование особенностей их функционирования в архаических текстах и сравнение с нормой их употребления у Плавта могло бы выявить историю этих форм. Что касается сохранности текста этих законов, то следует учитывать, что текст законов XII таблиц считался в древнем Риме сакральным. Тем не менее исследования показали, что язык законов подвергался модернизации, изменившей особенно сильно фонетический облик слов [18, с. 124—128]. Но синтаксические структуры сохранились, и анализ функционирования отдельных классов форм возможен.

Следует еще отметить, что нередко один и тот же текст закона цитируется несколькими авторами, причем иногда с разночтением, что позволяет выявить более древние формы. Понять содержание текста и отдельных форм часто помогают позднейшие интерпретации законов XII таблиц, особенно те, которые давались римскими юристами, Гаем, Ульпианом и др., и с другой стороны, глоссографами.

Сигматические формы глагола в текстах древнейших законов встречаются в формах 3-го л. ед. ч. (единственная форма 3-го л. мн. ч. *delapidassint* представляет собой конъектуру) в придаточных условных предложениях и в семантически близких им придаточных определительных с *qui* «который» и с союзом *uti... ita* «как...так». Особое внимание привлекают те случаи, когда в тексте одного закона или нескольких следующих один за другим частных законов чередуются перфект индикатива и сигматические формы. Вот тексты нескольких законов VIII таблицы, посвященных частным правонарушениям: VIII, 2: *si membrum rupsit, ni cum eo pacit, talio esto* «если нанес увечье, если не договаривается с ним (= пострадавшим), то пусть будет талион» (т. е. «око за око»); VIII, 3: *manu fustive si os fregit libero CCC, si servo CL poenam subito* «если переломил кость рукой или дубинкой, то должен уплатить штраф в 300 сестерциев свободному, 150 рабу»; VIII, 4: *si iniuriam faxsit, viginti quinque poenae sunt* «если нанес легкое физическое повреждение, то пусть будет штраф в 25 сестерциев». В тексте этих законов, построенных синтаксически совершенно одинаково, употребляются перфект индикатива и сигматическая форма без всякого различия в функции. Об эквивалентности их функций свидетельствует также разночтение, касающееся формы глагола в условном предложении, в тексте закона VIII, 2: у Феста сигматическая форма *rupsit*, у Геллия и Присциана перфект индикатива *rupit*. Очевидно, что сигматические формы, как и индикатив перфекта, употреблялись в законах XII таблиц в индикативной функции. Следует отметить, что юрист Гай («Институции», III, 223), разъясняя смысл этих положений, в комментариях к закону VIII, 3 (*si os fregit*) использует на месте индикатива перфекта архаичного текста плюсквамперфект индикатива (*si... os fractum erat*), т. е. форму, выражавшую предшествование одного действия другому в плане прошедшего времени. Вероятно, близкая по характеру функция была у индикатива перфекта и у сигматических форм, поскольку в законах XII таблиц, как и в более поздних законах республиканского Рима, плюсквамперфект индикатива никогда не употреблялся. Параллельное употребление сигматической формы и перфекта индикатива в одном условном предложении имеется в XII, 2: *si servus furtum faxit noxiamve posuit* «если раб совершил кражу или причинил ущерб». Таков текст закона, как его передает Ульпиан («Дигесты», IX 4, 2, 1), в современных же изданиях законов XII таблиц принята конъектура *no[x]it*, которая представляется излишней, так как перфект индикатива *posuit* встречается и в XII таблицах (ср. VIII 6), и в древней правовой формуле *noxam posuerunt* (Т. Ливий IX, 10). Показательно, что юрист Цельс, передавая содержание этого закона, употребляет только формы перфекта индикатива, заменяя сигматическое *faxit* на *fēcit* (*Nam in lege antiqua si servus... furtum fecit*), что может служить подтверждением правильности глоссы *faxit : fecit*. Вот еще несколько примеров употребления сигматических форм в условных предложениях: VIII, 21: *patronus si clienti fraudem faxit* «если патрон обманул клиента»;

VII, 7: *viam muniunto, ni sam delapidassint* «пусть укрепляют дорогу, если камнем ее не замостили»; VIII, 12: *si nox furtum faxsit, si im occisit, iure caesus esto* «если ночью совершил кражу, если его (вора) убили, пусть будет (считается) убитым по закону». Интерпретируя закон VIII 12, Ульпиан («Дигесты» 48, 8, 9) на месте архаической формы *occisit* употребляет будущее II (*furem nocturnum si quis occiderit*), т. е. форму, выражающую предшествование в плане будущего.

Нередко условие передается придаточным определительным предложением: VIII, 8: *qui fruges excantassit* «кто (колдовским пением уворовал урожай»; VIII, 1: *qui malum carmen incantassit* (в некоторых рукописях глагол имеет форму *incantasset*) «кто распевал поносящую песню». Аналогичную сигматическую форму с другим лишь префиксом *occantassit* Фест [22, с. 190] интерпретирует, используя будущее II: *Occantassit antiqui dicebant quod nunc «convicium fecerit» dicimus*. Цицерон же («О госуд.» 4, 10, 12), излагая содержание закона VIII, 1, заменяет сигматическую форму глагола формой плюсквамперфекта конъюнктива: *si quis occantavisset sive carmen condidisset*. Таким образом, оказывается, что одна и та же сигматическая форма из закона XII таблиц интерпретируется либо посредством будущего II, либо плюсквамперфекта, т. е. посредством форм, выражающих предшествование в плане будущего или прошедшего времени. Этот факт интерпретации архаичной формы посредством глагольных форм, относящихся действие к разным временным сферам, можно объяснить только таким образом, что сигматическая форма не имела вообще временного значения, обозначая предшествующее действие, соотношенное с любым временным планом. Такую же двойную интерпретацию имеют сигматические формы, функционирующие в придаточных предложениях с союзом *uti... ita* «как...так»: V, 3 *uti legassit* [у Гая *legasset* («Институции» II, 224)] *super pecunia tutelave suae rei, ita ius esto* «как завещал деньги и опеку над своим имуществом, так по закону должно быть»; VI, 1: *cum nexum faciet mancipiumque uti lingua nuncupassit, ita ius esto* «когда будет составлять долговое обязательство или купчую, как устно заявит, так по закону должно быть». Гай («Институции» II, 224) в комментариях к законам XII таблиц, излагая содержание закона V, 3, использует вместо сигматической формы плюсквамперфект: *cavetur, ut quod quisque de re sua testatus esset...* Фест же [22, с. 176] интерпретирует сигматическую форму посредством будущего II: *nuncupassit id est, uti nominarit, locutusve erit*.

Таким образом, ограничение в употреблении сигматических форм в законах XII таблиц придаточными условными предложениями и семантически близкими к ним определительными предложениями, с одной стороны, и интерпретация их посредством форм плюсквамперфекта и будущего II, с другой стороны, показывает, что функция их состояла в выражении действия, предшествующего другому действию без соотношенности с каким-либо определенным временным планом. Отнесенность к сфере будущего — что было характерно для сигматических форм у Плавта — в текстах законов XII таблиц встречается лишь один раз (закон VI, 1) и выявляется контекстуально, поскольку условное предложение синтаксически подчинено придаточному времени (*cum...faciet*). О том, что значение будущего времени не было свойственно сигматическим формам в архаической латыни, свидетельствуют случаи взаимозаменяемости сигматических форм и перфекта индикатива. Но хотя синтаксические функции перфекта индикатива и сигматических форм в условном предложении одинаковы, грамматическое значение их различно, т. к. лат. перфект индикатива является средством выражения завершенного в прошлом действия, сигматические же формы обозначают действие, предшествующее другому, но не отнесенное к определенному времени. В условном предложении сигматические формы, являясь сказуемым придаточной части, находятся в синтаксическом соотношении со сказуемым главного предложения, имеющим постоянно форму императива на *-tō*. Поскольку императив на *-tō* этимологически обозначает действие, которое совершается после другого действия [6, с. 572], то в условном предложении обе глагольные формы, сигматическая и императив на *-tō*, выражают связь двух действий, предшествующего

и последующего, безотносительно к какому-либо определенному временному плану, — чисто анафорическая связь.

Помимо условных предложений, для латинских сигматических форм характерно употребление в конструкции с запретительной частицей *nē* (у Плавта также с *cave* «остерегись»), а также при выражении пожелания, благословения или проклятия. Традиционно считается, что это — сфера употребления форм на *-sim*, *-sis*, генетически являющихся оптативом. Нами уже было отмечено, что в этой сфере встречаются формы с флексией *-ses*, *-set*, *-sent*, как и в условных предложениях. Есть ли общее и в семантике форм, функционирующих в той и другой зоне? При выражении запрещения в доклассической латыни в конструкции с *nē* использовались три глагольные формации с разным значением: (1) императив (тип *nē fac*) — требование прекратить действие; (2) презенс конъюнктива (тип *nē faciās*) — совет не выполнять действие; (3) сигматическая форма или перфект конъюнктива (тип *nē faxis* и *nē fēceris*) — категорическое запрещение действия, которое кто-то намерен совершить [17, с. 124]. Именно в последнем случае, когда запрещение предотвращает задуманное действие, — так называемый превентивный запрет — функционируют сигматические формы. Например, Плавт, «Привидение», 1094—1097: *ego interim hanc aram occipabo. — ... ne occipassis.. aram* «Я пока займу алтарь». — «... не занимай, прошу я, алтарь». «Хвастливый воин», 1006: *subigit me ut amem. — hercle hanc quidem nihil tu amassis*. «Меня подмывает ее любить». — «Нет, эту не люби». Средством выражения самого запрета, отпора действия является частица *nē*, функция же сигматических форм в превентивном запрете состоит в обозначении действия, предшествующего его исполнению. Следовательно, значение предшествования, свойственное сигматическим формам при употреблении в условных предложениях и при выражении превентивного запрета можно считать категориальным значением этих форм.

Интересный материал в качестве параллели к латинским сигм. формам дает ведийский язык. Как отмечает К. Гоффманн [19, с. 60], при выражении превентивного запрета в ведийском используется аорист инъюнктива в сочетании с *mā*, причем в тех случаях, когда превентивный смысл достаточно ясен, в Ригведе (РВ), чаще в поздней, и Атхарваведе особенно широко представлен сигматический аорист инъюнктива. Например, РВ II 32,2: *mā vi yaubh* «не удаляйся», РВ VIII 30,3: *mā naiṣṭa* «пусть не ведет», РВ VI 47,9: *mā tārit* «да не одолеет он». К. Гоффманн подчеркивает, что нет оснований приписывать инъюнктиву в этом употреблении с *mā* модальный характер [19, с. 103]. Что касается другой области выражения предшествования — придаточных временных и условных предложений, то в ведийском здесь функционирует аорист индикатива особенно часто в соотношении с имперфектом или с презенсом в главном предложении. Примечательно, что и в этой зоне употребления аориста в ведийском имеется тенденция к более широкому использованию сигм. аориста. Гоффманн, объясняя эту функцию аориста его видовым значением, выделяет те случаи, где аорист в придаточном предложении имеет ингрессивное значение, и отмечает, что здесь особенно надежно представлен аорист на *-iṣ-* и на *-s-*. Например, РВ VII 57,1: *pīnvanty ūtsam yād āyāsur ugrāh* «когда они, сильные, отправились в путь, они дают ключу переливаться через край» [19, с. 157]. Судя по материалу, который приводят Дельбрюк [20, с. 239] и Гонда [21, с. 93—102], сигм. аорист в придаточном предложении используется при выражении предшествования и тогда, когда значения ингрессивности нет, например, РВ V 31,3 «поскольку его сила родилась (*ājanīṣṭa*) из силы, Индра обнаружил (*dediṣṭa*) всю свою мощь».

Сходство функций латинских сигматических форм и ведийского сигм. аориста индикатива-инъюнктива не только подтверждает гипотезу о происхождении латинских сигматических форм из сигм. аориста, но показывает, что в архаической латыни их категориальное значение предшествования сохранилось в большей чистоте, чем в ведийском, где сигм. аорист входит в состав общей категории аориста.

В латинских сигматических формах значение предшествования соеди-

нено со значением транзитивности. Из 12 случаев употребления сигматических форм в законах XII таблиц 11 раз они связаны в предложении с прямым дополнением, а в том случае, когда дополнения нет, указание на объект действия заключено в самой основе глагола *puncipassit* (**nōmo-cap-*) [16, т. II, с. 188]. Со значением транзитивности действия как основным семантическим признаком сигматических форм, возможно, была связана на раннем этапе развития особая конструкция предложения. В архаической латыни в одном из царских законов, так называемом законе Нумы Помпилия, сохранился пример необычного построения предложения. Текст этого закона приводит Фест [22, с. 190]: «*si hominem fulminibus occisit, ne supra genua tollito*» et alibi «*homo si fulmine occisus est, ei iusta nulla fieri oportet*». «Если человека убили молнией, не поднимать (его) выше коленей и дальше «Если человек убит молнией, не следует отдавать ему последние почестей». Как показал Э. Швицер [23], второй вариант текста, совпадающий по содержанию с первым вариантом, является позднейшей его интерпретацией и имеет обычную пассивную конструкцию предложения. Необычность синтаксического построения первого текста состоит в том, что в условном предложении, сказуемое которого выражено сигматической формой глагола активного залога (*occisit*), объект действия оформлен аккузативом (*hominem*), субъект же действия инструментальным падежом (*fulminibus*). В сущности это — эргативная конструкция при переходном глаголе. Думается, что существенной характеристикой латинского предложения является то, что его глагол-сказуемое имеет форму сигм. аориста, в котором соединены значения предшествования и транзитивности. Как показывает типология языков эргативного строя [24, с. 75], в ряде языков, например, в картвельских, с эргативностью сопряжена форма прошедшего времени глагола-сказуемого. Поэтому возможно, что в тексте древнего латинского закона имеется как глубокий архаизм эргативное построение предложения, сохранившего также форму глагола-сказуемого, при которой эта конструкция была возможна, — форму сигм. аориста. Подобная форма сигм. аориста сохранилась также в виде глоссы *caesit* : *cecidit* [12, т. III, с. 107]. Наличие в латинском языке архаичной конструкции предложения позволяет предполагать, что противопоставление сигм. аориста и перфекта выявлялось на раннем этапе истории языка не только на уровне морфологии, но и на синтаксическом уровне в различии конструкций предложения — эргативной, отвечающей значению транзитивного действия сигм. аориста, и неэргативной, соответствующей значению состояния субъекта, которое было присуще древнему перфекту.

Следы архаичной системы «перфект : сигматический аорист» сохранились, помимо латинского языка, также в гомеровском языке. На связь сигм. аориста и перфекта, причем чаще перфекта медиального залога, который в большей степени, чем перфект активного залога, сохранял древнее значение состояния, указывает П. Шантрен [25, с. 435]. Ряд глаголов в языке «Илиады» (Ил.) и «Одиссеи» (Од.) Гомера представлен только формами сигм. аориста и перфекта, например, ὀδύσαο (Од. I, 62) «рассердился»: ὀδύσασθαι (Од. V, 423) «разгневан, злобствует», презенса нет; ῥύσασθαι (Ил. XXIV, 637) «сомкнулись (очи)»: ῥέμμεναι (Ил. XXIV, 420) «закрываются», презенса ῥύω появился только в аттическом языке [25, с. 410]; ῥάσασθαι (Од. XX, 150) «обагрите (кровью ковры)»: ῥράδαται (Ил. XII, 431) «обагрены»; πετάσας (Ил. XIV, 495) «простерев (руки)»: πέπταται (Од. VI, 45) «простирается (небо)»; παλάμην (Ил. XXI, 76) «вкусил»: οὐ πέλασθην (Ил. XXIV, 642) «не был в состоянии сытости».

Есть основания думать, что в древнейшем периоде ведийского языка, зафиксированном в Ригведе, сохранилось у некоторых глаголов соотношение форм, которое тоже свидетельствует об архаичной системе «перфект : сигматический аорист», основанной на оппозиции значений «состояние субъекта» : «действие как причина этого состояния» или «интранзитивность» : «транзитивность». Так у глагола от корня *kan*¹ — «радоваться», личные формы которого представлены только в Ригведе [26, с. 94] и имеются лишь формы перфекта и сигм. аориста, перфект *sākana* имеет значение «я радуюсь, мне нравится» (РВ I 120, 10), а сигм. аорист

конъюнктива *kāṇiṣas* (РВ III 28, 5) «заставь себя радоваться, сделай, чтобы нравилось» [27, т. II, с. 51: «sich etwas belieben lassen»]. В такой же оппозиции находится перфект и сигм. аорист глагола от корня *bhī-* «бояться»: перфект *bibhāya* «боятся»: сигм. аорист *ābhaiṣṭa* (РВ VIII, 47, 18) «мы испугались» в придаточном относительном предложении «(плохой сон), которого (букв. от которого) мы испугались», т. е. который заставил нас бояться. Как отмечает Б. Дельбрюк [20, с. 19], в Ригведе нет презенса индикатива со значением «бояться», в этом значении употребляется перфект, презенс же *bibhēti* «боятся» впервые появляется в Атхарваведе. Таким образом, для Ригvedы характерно соотношение перфекта *bibhāya* «боятся» и сигм. аориста *ābhaiṣṭa* «мы испугались». От корня *cit-* «наблюдать, замечать» перфект часто функционирует в Ригведе в значении состояния, так, *cikēta* (РВ II 14, 10) «я знаю», сигм. аорист *acait* (РВ VI 44, 7) имеет значение «узнал», тогда как презенс *cetati* имеет значение «наблюдает» (РВ VII 46,2) и пассивный аорист *āceti* (РВ I 139, 4) «стал замечен». Поэтому можно предполагать, что перфект *cikēta* «знаю»: сигм. аорист *acait* «узнал» были членами некогда автономной системы, не зависящей от презенса. От корня *dh-*/*dṛ-* «разрывать, раскалывать» в Ригведе представлен помимо императива почти один перфект *dadāra* в интранзитивном значении «развалился, рассыпался (о войске)» (РВ VI 27, 4) и сигм. аорист, полностью исчезнувший после Ригvedы, со значением транзитивным, например, конъюнктив *darsat* (РВ IX 74, 7) «пусть разорвет».

Таким образом, семантические соотношения между перфектом и сигм. аористом, обнаруживаемые у некоторых архаичных глаголов гомеровского и ведийского языка, подтверждают материал древнейшей латыни и позволяют предполагать для ранней ступени этих языков такое состояние, когда сигм. аорист относился в отличие от асимметричного аориста не к системе «презенс : аорист», но к системе «перфект : сигм. аорист».

Последующее развитие значений перфекта и сигм. аориста привело к их слиянию в латинском языке еще в дописьменный период, что не могло не сказаться на семантике оставшихся сигматических форм, у которых стали превалировать модальные значения. Этот сдвиг в семантике был простым: от отрицательного значения запрещения, которое выражалось сигматическими формами в сочетании с *nē*, к положительным опативным значениям, в которых часто функционируют сигматические формы у Плавта при выражении желания, просьбы, благословения. На естественность такого семантического развития указывал Б. Дельбрюк [20, с. 373]. Этим сдвигом в семантике объясняется изменение флексии сигматических форм, при котором окончание 3-го л. мн. ч. *-s-ent* сигм. аориста было вытеснено окончанием опатива *-s-int*, в ед. ч. окончания 2-го л. *-ses* и 3-го л. *-set* изменились около 300 г. до н. э. из-за редукции гласных в *-sis*, *-sīt*, наряду с которыми использовались также окончания опатива *-sis*, *-sīt* без строгого разграничения зон употребления.

Основным аргументом, подтверждающим теорию происхождения латинских сигматических форм из конъюнктива и опатива сигм. аориста, М. Лойман [6, с. 621] считает наличие в 1-м л. ед. ч. парных образований на *-sō* и *-sim*. Но в латыни реально имеется лишь одна такая пара форм: *faxō*, *faxim*. Все остальные парные образования, которые приводятся в грамматиках, представляют собой реконструкции: так, на основе имеющейся формы 2-го л. ед. ч. *dixis* реконструируется 1-е л. *dixō*, *dixim*, на основе *amassō* — *amassim*. Что же касается единственной засвидетельствованной в текстах пары *faxō*, *faxim*, то по своим семантическим и синтаксическим признакам они заметно отличаются от форм других лиц. Это отмечают и античные грамматиканы, которые считают *faxō* дефектной формой, поскольку она не имеет ни 2-го лица, ни множественного числа [11, т. V, с. 382] и служит для выражения будущего времени или обещания (*promissivum modum*) [11, т. V, с. 436]. Действительно, *faxō* — единственная в парадигме форма, которая употребляется в простом предложении в паратактическом сочетании с будущим или конъюнктивом как средство выражения обещания или угрозы, например, в комедии Плавта «Пуниец» 1191 *omnia faciet Iuppiter faxo* «гарантирую, что Юпитер все сделает». В отличие от

форм других лиц *faxō* не имеет, как правило, в предложении прямого дополнения. Эти же синтаксические признаки характеризуют и словоформу *faxim*, которая, однако, используется в тех случаях, где не подходит *faxō* с его значением категорического утверждения: чаще всего после условного предложения, снижающего степень категоричности, или в контексте отрицательности. Ограничение определенными контекстными условиями сказывается на частотности: в текстах Плавта *faxim* встречается 10 раз, а *faxō* 65 раз. Все это позволяет считать словоформу *faxim* дериватом от *faxō*. Таково было мнение Э. Бенвениста [7, с. 46], считавшего, что *faxim* возникло на основе *faxō* по модели *erō/sim* и транспонировало значение, свойственное *faxō*, в область конъюнктива. Но и форму *faxō* с характерным только для нее «обещательным» значением следует рассматривать как наиболее позднее образование в парадигме сигматических форм, появившееся в результате развития вторичных модальных значений у форм 2-го и 3-го лица. Тем же процессом развития модальных значений, связанных со сферой будущего времени, объясняется то изменение в значении сигматических форм, которое наблюдается при сравнении их употребления в условных и относительных предложениях в законах XII таблиц, где они служат выражению предшествующего действия, не соотношенного ни с каким временным планом, и у Плавта, где в тех же типах придаточных предложений сигматические формы выражают предшествование в сфере будущего времени. Норма употребления сигматических форм у Плавта и его современников оказалась в центре внимания римских грамматиков, которые интерпретируют сигматические формы посредством форм будущего II, более же древнее их значение нашло отражение в немногочисленных архаичных глоссах типа *astasent : statuerunt*, *caesit : cecidit*, где интерпретация дается с помощью форм перфекта индикатива.

Итак, среди латинских сигматических форм выявляется более древний слой форм, сохранивших полуактивную флексию и.-е. сигматического аориста: 2-е л. ед. ч. **-s-e(s)*, 3-е л. ед. ч. **-s-e(t)*, 3-е л. мн. ч. **-s-nt*. Поскольку в латыни не сформировалась категория аориста, объединившая сигм. аорист с древними образованиями претерита, то можно предполагать, что латинские сигматические формы сохранили более древние значения сигм. аориста: это — возникшее в сфере медиа значение каузативности—транзитивности и значение предшествования без соотношенности с каким-либо временным планом. В том и другом значении сигм. аорист противопоставлен перфекту состояния. Поскольку эти семантические соотношения в латыни подтверждаются отчасти древнегреческим, отчасти ведийским материалом, то есть основание считать значение предшествования и значение каузативности—транзитивности специфичными для и.-е. сигм. аориста, соответствующими его полуактивной флексии. Архаичность перфекта состояния в и.-е. языках позволяет считать систему «перфект : сигм. аорист» более ранней, чем система «инфект : перфект» в латинском языке и чем система «презентс : аорист», включающая сигматический аорист, в древнегреческом и индо-иранских языках. Таким образом, специальный семантический статус и.-е. сигматического аориста организуется двойной корреляцией с перфектом по признаку каузативность — транзитивность : интранзитивность и предшествование : достигнутое состояние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Watkins C. Indo-European origins of Celtic verb. Dublin, 1962.
2. Bader F. Flexions d'aoristes sigmatiques.— In: Etrennes de septantaine. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à M. Lejeune. Paris, 1978.
3. Kellin H. Oppositions of voice in Greek, Slavic and Baltic. København, 1969.
4. Adrados F. On Indo-European sigmatic verbal stems.— Arch. ling. 1971, v. 2.
5. Kurylowicz J. Problemes de linguistique indo-européenne. Wrocław, 1977.
6. Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977.
7. Benveniste E. Les futurs et subjonctifs sigmatiques du latin archaïque.— BSLP, 1922, v. 22.
8. Brugmann K. Vergleichende Laut- Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Tl. 3, Strassburg, 1916.
9. Sommer F. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1914.

10. *Magariños A.* Peperi —parsi.— Emerita, 1939, t. 7.
11. *Grammatici latini ex recensione Keilii H.* Bd. I—VII. Lipsiae, 1855—1872.
12. *Glossaria latina.* V. I — V. Ed. *Lindsay W. M.* et al. Paris, 1926—1931;
13. *Schmidt J.* Die Personalendungen -θα und -σας im Griechischen.— KZ, 1885, Bd. 27.
14. *Sommer F.* Vergleichende Syntax der Schulsprachen. Leipzig, 1921.
15. *Вяч. Вс. Иванов.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. М., 1981.
16. *Walde A.*— *Hofmann J.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I — II. Heidelberg, 1938—1954.
17. *Thomas F.* Recherches sur le subjonctif latin. Paris, 1938.
18. *Radke G.* Archaisches Latein. Darmstadt. 1981.
19. *Hoffmann K.* Der Injunktiv im Veda. Heidelberg, 1967.
20. *Delbrück B.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. T. 2. Strassburg, 1897.
21. *Gonda J.* The aspectual function of the Rgvedic present and aorist. 's-Gravenhague, 1962.
22. *Sexti Pompei Festi de verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome.* Ed. *Lindsay W. M.* Lipsiae, 1913.
23. *Schwyzler E.* Die «lex regia». Über den vom Blitze Erschlagenen.— Rheinisches Museum für Philologie, 1927, Bd. 76.
24. *Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
25. *Chantraine P.* Grammaire homérique. Paris, 1942.
26. *Narten J.* Die sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden, 1964.
27. *Böhltingk O.*— *Roth R.* Sanskrit-Wörterbuch. Bd. I — VII. Petersburg, 1855—1875.